

**ЖЕНЩИНА СОЦИАЛЬНАЯ И ЖЕНЩИНА БИОЛОГИЧЕСКАЯ В ТИСКАХ
РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ 1920-Х ГГ.****

Статья посвящена анализу женской повседневности 1920-х гг. в провинциальной Самаре. Рассматривается тот срез повседневной жизни, который касается антропологии женского быта, практик родовспоможения, аборт, гендерных ролей в новых политических условиях советской эпохи. Показывается, как через медиализацию как часть государственной политики происходила трансформация женской повседневности, как формировался идеологический дискурс, подчинявший биологическое социальному.

Ключевые слова: женская повседневность, медиализация, родовспомогательные практики, аборт, проституция, Матмлад.

Мишель Фуко замечательно определил власть как множественность отношений силы, неизменно присутствующих в обществе [21]. Женщина была обречена на двойную силу, довлеющую над ней: силу политической власти и силу биологической незащитности. Женский организм не выбирает, рожать или не рожать в период войн и революций, голода и разрухи. Беременность, роды, аборт, сексуальная жизнь — все происходит в условиях тяжелейших пертурбаций начала XX века, первых лет советской власти. Даже медицинское обслуживание женского повседневного здоровья оказывалось в зависимости от политической власти, ее нравственных императивов, от решений этой власти — карать или миловать. Власть государства не может прочувствовать страх и отчаяние женщины, забеременевшей в ситуации голода и войны. Надо выносить этого ребенка, а если еще эта беременность не признана общественной нравственностью, то отчаянное положение женщины усиливается стократно. Как бы ни была эмансипирована женщина советской властью, повседневный биологический быт ее в 1920-е гг. был деформирован эпохой. В этой связи обращение к анализу того, как женщина в провинциальной Самаре (Куйбышеве) переживала свой гендерный статус, связанный в первую очередь с репродуктивной функцией, представляется важной и актуальной темой, позволяющей реконструировать повседневные практики выживания «маленького человека» в переходные периоды «большой истории». С этой проблемой тесно связан вопрос медиализации женского повседневного быта. Больница, врачи образовывали еще один дискурс власти, в который оказывалась помещенная женщина. Таким образом, нам видится возможным через исследование репродуктивного поведения женщин и медиализацию их быта в 1920-е гг. в границах провинциальной Самары проанализировать более общую проблему стратегий и тактик повседневного существования человека в эпоху войн и революций. Актуализированная монографией Н.З. Дэвис проблема «обочины», «оживления маргинального про-

* © Кобозева З.М., Скачкова У.О., 2016

Кобозева Зоя Михайловна (zoja_kobozeva@mail.ru), Скачкова Ульяна Олеговна (heyysugardaddy@gmail.com), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 16-01-00136.

странства» женщиной [3] в приложении к самарским женщинам первых лет советской власти становится нравственной задачей исследователя, исповедующего принцип, сформулированный А. Людке: «Каждый человек осваивает этот мир на свой собственный манер, т. е. воспринимает, чувствует и при этом моделирует и продуцирует его заново», «в ходе практического освоения зависимые превращаются в действующих лиц в акторов, которые демонстрируют многогранный, редко однозначный профиль поведения и эмоций» [10, с. 60–61].

Власть вторгается в повседневность в том числе через медиализацию. Медиализация быта, во-первых, была связана с вмешательством медицины в жизнь общества и ее стремлением все социальные проблемы признать “болезнями” [1], то есть то, что являлось отклонением от нормы, было приравнено к болезни.

Такой «болезнью» общества на протяжении 1920-х гг. становятся аборты, еще не запрещенные, но уже получившие все признаки «болезни» нравственной, социальной. После постановления циркуляра Наркомюста 1920 г. о разрешении проведения операций по искусственному прерыванию беременности [15. Л. 39] количество абортов к концу 1920-х гг. резко возрастает. В губернии действовала абортная комиссия. Доктор Булыгина, к примеру, в 1927 г. отмечала в своем докладе комиссии, что аборты являются «вредными и опасными для здоровья женщины» [17. Л. 75]. Врачи предлагали «провести широкую пропаганду предохранительных мер и разъяснительные беседы среди мужской части населения о вреде абортов, вести пропаганду применения презервативов» [17. Л. 75]. В конце концов собрание комиссии постановило, что нужно «усилить меры по охране матмлада», а именно: «...увеличить бесплатное снабжение противозачаточными средствами, используя на то средства от платных абортов; в консультации для женщин установить специальный прием для абортирующих и по вопросам профилактики беременности; принять более решительные меры по борьбе с подпольными абортами, для чего проводить наблюдение за женщинами, получающими отказ в абортной комиссии; выработать медицинские и социальные противопоказания к абортам» [17. Л. 75]. С разрешением абортов и резким увеличением их числа со стороны медицинского сообщества началась агитация против искусственного прерывания беременности. В губернии были введены «дни лекций и бесед» о вреде абортов и установлена тщательная слежка за теми, кто получил отказ в абортной операции, дабы избежать подпольных операций по прерыванию беременности. Вместе с тем народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко в своем докладе отмечал, что наказуемость абортов толкает женщин к знахаркам и повитухам, и поэтому «наказание следует применять лишь к бабкам и акушеркам, причиняющим увечья женщинам» [5, с. 118]. Сохранившиеся в архиве карточки об искусственном прерывании беременности за 1929 г. по рассматриваемому региону свидетельствуют о том, что основной причиной прерывания беременности был недостаток средств к жизни [19. Л. 77 (а) об.—85 об.].

Во-вторых, медиализация характеризовалась проникновением в массовое сознание медицинского языка [23]. Сам термин «аборт» обретает в просторечии исключительно негативные коннотации. Под пером Ильфа и Петрова в «Двенадцати стульях» рождается выражение «жертва аборта» [6, с. 77], активно подхваченное повседневностью. В самарской периодической печати в 1920-е гг. создается негативный образ женщин, делающих аборты.

Медиализация подразумевала также и закрепление ярлыков за текстами поведения, вредными как для человеческого организма, так и для общества [23]. В 1920-е гг. одной из проблем, с которой боролись врачи и работники в области охраны материнства и младенчества, было подбрасывание детей. Несмотря на то что подкидыши существовали и в дореволюционной России, в советскую эпоху общество было призвано на борьбу с дан-

ным пороком. На городской беспартийной конференции женщин г. Бугуруслана от 8 марта 1927 г., (присутствовало 130 человек) на повестке дня был доклад товарища Хрущевой о «значении охраны матмлада и достижениях в этой области» [16. Л. 12]. В прениях выступила товарищ Филипова: «Мы знаем, что в дет-приемнике положение не из хороших, там есть смертность детей, которая объясняется тем, что подкидывают детей от 2 дней – 2 недель после рождения. Был такой случай, подкинули ребенка, у которого на голове кора (от дерева. – З.К., У.С.); после того как ребенка помыли, там оказались насекомые – вот причины смертности» [16. Л. 12]. Далее, Филипова осуждала женщин, которые подбрасывают детей, и говорила о том, что «если бы не было таких зверей-матерей – женщин и отцов-мужчин, не было бы подкидывания» [16. Л. 12]. Таким образом, за женщинами, подкидывающими своих детей, закреплялся в рассматриваемый период ярлык «матери-звери». В качестве метода борьбы за сокращение такого типа поведения в обществе Филипова предлагала: «...наша задача не подборка ребят, а раскрепощение женщины, объясняя, что такое дет-ясли, о которых некоторые не знают» [16. Л. 12].

Медикализация выступала и как институт «социального контроля» [20] за советской нравственностью. «Социальный контроль – это процесс противодействия девиантному поведению и поддержания социальной стабильности, осуществляемый посредством наложения санкций» [1]. Санкции выступали как наказание за отклонение от диктуемых норм и могли быть наказанием либо уголовным, либо общественным. Лучше всего практики санкций прослеживаются в борьбе советской власти с проституцией. После уничтожения в 1917 г. системы «полицейзма», когда был упразднен Врачебно-полицейский комитет, отменена регистрация проституток, бывшие «легальные» проститутки оказались на одинаковом положении с «нелегальными», и деятельность продажных женщин перестала рассматриваться государством как профессия [12, с. 79]. Начали создаваться комиссии по борьбе с проституцией, в том числе и в Самаре, которые действовали при венерологической секции Народного комиссариата здравоохранения [11, с. 213]. 20 февраля 1923 г. в губернской советской больнице им. Н.И. Пирогова открылся венерологический диспансер, в котором наряду с вопросами о самих болезнях, способах их распространения, мерах предупреждения велись беседы о борьбе с проституцией [4, с. 417]. Из доклада Новицкого с заседания комиссии по борьбе с проституцией видно, что в 1920-е гг. проституция «развилась до колоссальных размеров» [18. Л. 5].

Медикализация была также частью программы «Матмлада», охраны материнства и младенчества. С начала 1920-х гг. началась разработка законодательства об охране труда женщин и подростков. Наркомздрав и Наркомтруд РСФСР утвердили постановление об охране женского труда. В 1921 г. был издан специальный сборник документов и постановлений об охране женского и детского труда, об охране материнства и младенчества, который включал в себя постановления Совнаркома, наркоматов труда, здравоохранения и юстиции [14]. В 1922 г. в Москве был организован Государственный научный институт Охраны материнства и младенчества [5, с. 156]. Начинает издаваться специальная литература по вопросам Матмлада. В газете «Известия ВЦИК» от 1 января 1922 г. было опубликовано постановление СНК «О дополнительных пособиях роженицам» [22. Л. 16]. В 1920-е гг. большинство женщин в России не имели отпуска по уходу за ребенком и не получали пособия на грудных детей [5, с. 148]. «Кодекс законов о труде», изданный в 1922 г., предусматривал социальные гарантии беременным женщинам и молодым матерям. Кроме того, в нем оговаривалось, что не допускается ночная и сверхурочная работа беременных и кормящих грудью, освобождались от работы женщины за 8 недель до и после родов и т. д. [5, с. 148]. В 1920-е гг. в Поволжье охрана Матмлада стала особенно актуальной из-за голода. Власть использовала различные практики по увеличению эффективности работы Матмлада: в 1927 г. в Самаре проводился «трех-

дневник» по охране Матмлада, с помощью которого планировалось открыть ясли в г. Бугуруслане, кружок охраны Матмлада в Тимашеве, женскую консультацию в Мелекесе, трудовое общежитие для беременных матерей в Самаре и т. д. В 1921 г. в Самарской губернии действовал 31 дом матери и ребенка, всего — 37 учреждений Матмлада [5, с. 154]. В 1925 г. — уже 92 учреждения Матмлада [5, с. 154]. Работали пять консультаций для детей, 1 женская консультация, 1 юридическая консультация, несколько яслей, большая молочная кухня [5, с. 154]. Проблема охраны материнства и младенчества звучала со страниц номеров журнала «Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области». В частности, В. Курзон анализировал в своей статье, как данная проблема решается в Германии, отмечая «неуклонный рост аборт» в этой стране и приводя статистику осужденных законом в 1926 г. за аборты (6268 человек, Германия, 1926 г.) [8, с. 39–68]. Тема абортов была основной и в контексте проблемы охраны материнства и младенчества. В статье «Очередные задачи охраны материнства и младенчества» в 1929 г. В. Лебедева среди тенденций увеличения количества родильных коек, консультаций, вынуждена была отметить и увеличение числа коек для абортов. Причем часто для тех, кто стал жертвой аборта повитух. Поэтому в статье задается вопрос: «Должны ли мы выделять койки только для родов, а аборты предоставлять самим себе, не заботясь их госпитализировать?». Потому что, по мнению автора, на каждые 100 родов приходится, к примеру, по Москве 76 абортов [9, с. 15]. Я.Д. Розенберг в статье «Плохо ведется борьба с бабками» утверждал, что бабки продолжают по-старому калечить родильниц: подвешивают к потолку, щекочат зев, чтобы вызвать рвоту, поят водкой и т. д. [13, с. 65]. Но на самом деле больницы и амбулатории были перегружены. Дестабилизация семьи приводила к росту нежелательных беременностей, единственным выходом из которых был аборт. И женщины не могли рассчитывать на качественную больничную госпитализацию, поэтому обращались к бабкам, повитухам. А в медицинской прессе эта ситуация объяснялась «неграмотностью, темнотой, некультурностью... женских масс», и уже при сформировавшемся дискурсе добавлялось, что все это «замедляет рост социализма» [7, с. 19]. Но не только аборты, но и роды также в сельской местности находились в руках повитух и бабок, о чем писали самарские врачи [2, с. 21].

Таким образом, в 1920-е гг. в Самарской губернии медиализация активно выступала в роли института социального контроля и действовала со стороны власти. Практики повседневного выживания женщин в сложную эпоху, связанные с родами, абортами, нравственностью, отчаянным положением, толкавшим на проституцию, позволяют сделать вывод о постоянном приспособлении женского биологического быта к социальному пространству новой социалистической эпохи. Основная стратегия выживания приводила к тому, что, ничего не опровергая и не меняя, женщины использовали власть, говорили ее языком, оказывались внешне ассимилированными этой властью, но, распоряжаясь своим телом, они подрывали изнутри эту власть.

Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004.
2. Вырыпаев Г. К вопросу переквалификации сельских акушеров // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1928. № 3. Декабрь.
3. Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. М., 1999.
4. Ерендеева А.Н. Состояние сети медицинских учреждений, специализирующихся на лечении социальных болезней (на примере Самарской губернии 1920-х гг.) / Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3(2). Самара, 2011.
5. Захарова Л.Б. Концепция социальной политики советской власти: теория и практика (1920-е гг.) Самара, 2012

6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 1983.
7. Краснова Ф. Культурная революция по линии охраны Материнства и младенчества // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1928. № 3. Декабрь
8. Курзон В. Проблема населения и охрана материнства и младенчества в Германии // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1929. № 5. Май.
9. Лебедева В. Очередные задачи охраны Материнства и младенчества // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1929. № 6(9). Июнь.
10. Людке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
11. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение / под ред. К. Цеткин. М.; Л., 1929.
12. Панин С. «Продажная любовь» в Советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. Вып. 1.
13. Розенберг Я.Д. Плохо ведется борьба с бабками // Вопросы здравоохранения Средне-Волжской области. 1929. № 6(9). Июнь.
14. Советская власть и раскрепощение женщины: сборник документов и постановлений РСФСР. М., 1921.
15. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 337.
16. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2550.
17. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2696.
18. СОГАСПИ. Ф. 9388. Оп. 8. Д. 96.
19. СОГАСПИ. Ф. 9483. Оп. 4. Д. 62.
20. Темкина А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль / Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 12. № 3.
21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М., 1996.
22. ЦГАСО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 72.
23. Шухатович В.Р. Медикализация // Социология: энциклопедия / сост. А.А. Грицаков, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. Минск, 2003.

References

1. Abercrombie N., Hill S., Turner B.S. *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological Dictionary]. М., 2004 [in Russian].
2. Vyrypaev G. *K voprosu perekvalifikatsii sel'skikh akusherok* [On the question of re-training of rural midwives]. In: *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region]. 1928, no. 3. December [in Russian].
3. Devis N.Z. *Damy na obochine. Tri zhenskikh portreta XVII veka* [Ladies on the sidelines. Three female portraits of the XVII century]. М., 1999 [in Russian].
4. Erendeeva A.N. *Sostoianie seti meditsinskikh uchrezhdenii, spetsializiruiushchikhsia na lechenii sotsial'nykh boleznei (na primere Samarskoi gubernii 1920-kh gg.)* [State of network of medical institutions, specializing in the treatment of social diseases (on the example of the province of Samara of the 1920-ies)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, Vol. 13, no. 3(2) [in Russian].
5. Zakharova L.B. *Kontseptsiiia sotsial'noi politiki sovetskoii vlasti: teoriia i praktika (1920-e gg.)* [Concept of social policy of Soviet power: theory and practice (1920-ies)]. Samara, 2012 [in Russian].
6. Ilf I., Petrov E. *Dvenadtsat' stul'ev* [The Twelve Chairs]. М., 1983 [in Russian].
7. Krasnova F. *Kul'turnaia revoliutsiia po linii okhrany Materinstva i mladenchestva* [Cultural Revolution along the line of maternal and child welfare]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region]. Samara, 1928, no. 3. December [in Russian].
8. Kurzon V. *Problema naseleniia i okhrana materinstva i mladenchestva v Germanii* [The problem of population and maternal and child welfare in Germany]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region], 1929, no. 5. May [in Russian].

9. Lebedeva V. *Ocherednye zadachi okhrany Materinstva i mladenchestva* [Immediate tasks of maternal and child welfare]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region], 1929, no. 6(9). June [in Russian].
10. Lyudke A. *Istoriia povsednevnosti v Germanii. Nove podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti* [History of everyday life in Germany. New approaches to the study of labor, war and power]. M., 2010 [in Russian].
11. Milovidova E. *Zhenskii vopros i zhenskoe dvizhenie. Pod red. K. Tsetkin* [The question of women's rights and feminist movement. K. Tsetkin (Ed.)]. M.-L., 1929 [in Russian].
12. Panin S. "Prodazhnaia liubov" v Sovetskoii Rossii (1920-e gody) [«Love for sale» in Soviet Russia (1920-ies)]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2005, Issue 1 [in Russian].
13. Rozenberg Ya.D. *Plokho vedetsia bor'ba s babkami* [The fight with beldams is poorly conducted]. *Voprosy zdravookhraneniia Sredne-Volzhskoi oblasti* [Health Issues of the Mid-Volga region], 1929, no. 6(9). June [in Russian].
14. *Sovetskaia vlast' i raskreposhchenie zhenshchiny. Sbornik dokumentov i postanovlenii RSFSR* [Soviet power and the emancipation of women. Collection of documents and decrees of the RSFSR]. M., 1921 [in Russian].
15. *SOGASPI*. F. 1. Op. 1. D. 337 [in Russian].
16. *SOGASPI*. F. 1. Op. 1. D. 2550 [in Russian].
17. *SOGASPI*. F. 1. Op. 1. D. 2696 [in Russian].
18. *SOGASPI*. F. 9388. Op. 8. D. 96 [in Russian].
19. *SOGASPI*. F. 9483, Op. 4. D. 62 [in Russian].
20. Temkina A. *Medikalizatsiia reproduksii i rodov: bor'ba za kontrol'* [The medicalisation of reproduction and childbirth: the struggle for control]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2015, Vol. 12, no. 3 [in Russian].
21. Fuko M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Per. s frants.* [The will to truth: beyond the knowledge, power and sexuality. The works of various years. Transl. from French]. M., 1996 [in Russian].
22. *TsGASO*. F. 244. Op. 1. D. 72 [in Russian].
23. Shukhatovich V.R. *Medikalizatsiia* [Medicalization]. In: *Sotsiologiia: entsiklopediia. Sost. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin i dr.* [Sociology: encyclopedia. Compilers A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin et al.]. Minsk, 2003 [in Russian].

*Z.M. Kobozeva, U.O. Skachkova**

WOMEN AS SOCIAL AND BIOLOGICAL CREATURES IN THE EARLY SOVIET ERA OF 1920-IES**

This article is dedicated to the everyday life of women in 1920-ies. The aspect that deals with the anthropology of women's life, obstetrics, abortion and gender roles in new political conditions of the Soviet era will be explored. It is shown, how medicalization, being the part of government policy, changed women's everyday life, formed the ideological discourse, subordinating biological being to the social one.

Key words: women's everyday life, medicalization, obstetrics, abortion, prostitution, Matmlad.

Статья поступила в редакцию 12/XI/2016.
The article received 12/XI/2016.

* *Kobozeva Zoya Mikhailovna* (kobozeva_zoya@mail.ru), *Skachkova Ulyana Gennadiivna* (iulianiayaa@gmail.com), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The work is performed with the support from the Russian Foundation for the Humanities. Grant 16-01-00136.*